

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА НЕНЦЕВ

Ненецкий фольклор чрезвычайно богат и разнообразен. Согласно классификации, производимой самими ненцами, он включает следующие жанры: 1) *вадако*'' (в восточных говорах *лаханако*'') 'сказки', 2) *сюд-бабц*'' 'сказания о великанах', 3) *ярабц*'' 'сказания о злоключениях героев', 4) *хынабц*'' 'песни', 5) *хобцоко*'' 'загадки'. Внутри каждого из разделов выделяются подразделы. Так, особо обозначаются почти полностью выходящие из употребления т. н. шаманские песни и сказки.¹

Первые попытки записи ненецких фольклорных произведений были предприняты еще в царской России. Например, в большой работе Б. М. Житкова (1913) приведен русский перевод одной *ярабц*''.

Образцы устного народного творчества ненцев (в меньшей мере селькупов) записывал М. А. Кастрен в 1842—1844 и 1845—1849 гг. В начале XX века (1911—1912 гг.) эту работу продолжил Т. Лехтисало, издавший вначале материалы М. А. Кастрена (*Samojedische Volksdichtung* 1940; в книге помимо 19 текстов на ненецком языке с переводом на немецкий помещены 8 селькупских текстов), а позднее — сборник собранных им самим ненецких фольклорных произведений (*Lehtisalo* 1947).

Собирательская работа развернулась после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в 30-е годы нашего века закладывались основы для создания письменности на языках народов Севера. Особенно интенсивно она проводилась у ненцев, в меньшей мере — у селькупов. В довоенные годы ненецкий фольклор записывали Г. Д. Вербов, Н. М. Терещенко, студенты-ненцы (Н. С. Вылка, А. С. Тайбарей, И. Ф. Нохо). Очень много сделал в этом отношении А. П. Пырерка, большой знаток фольклора. Им впервые изданы сборники ненецких сказок на ненецком языке (*Ненэса*'' *wadaku*'' 1935; *Hart wadakud* 1936; *Пухуця ноб*'' *ню* 1939) и подготовлено большое научное исследование о ненецких эпических сказаниях, завершению которого помешала гибель этого первого ученого из ненцев. Богатые фольклорные материалы (к сожалению, до сих пор не изданные) записаны у селькупов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевыми.

Во второй половине 30-х годов был опубликован ряд сборников ненецких сказок на русском языке (Тонков 1936; Ошаров 1936; Вербов 1937). После окончания Великой Отечественной войны работа по соби-

¹ Под шаманскими сказками подразумеваются мифы, в частности мифы о сотворении земли.

ранию и изданию ненецкого фольклора продолжалась. Был издан сборник ненецких загадок, собранных еще в 30-е годы Г. Д. Вербовым (1947). В 1946 г. Всесоюзное географическое общество организовало шестимесячную экспедицию в Ненецкий национальный округ Архангельской области под руководством А. М. Щербаковой. Материалы экспедиции изданы лишь частично (напр., Щербакова 1960). Различные виды ненецких сказок вошли в три сборника (Терещенко 1949; 1954; 1955).

В послевоенные годы исследованием ненецкого фольклора начала заниматься З. Н. Куприянова, издавшая учебное пособие по фольклору (Куприянова 1960) и работу, посвященную основным жанрам ненецкого фольклора (Эпические песни ненцев 1965).

Для ряда северных языков, особенно для языков народностей, живущих оседло, характерна диалектная раздробленность. Например, хантыйский язык, по мнению ряда специалистов, представляет собой в действительности группу родственных языков. Иначе обстоит дело с самодийскими языками, за исключением селькупского. Значительное единообразие всей языковой структуры особенно свойственно тундровому наречию ненецкого языка и нганасанскому языку. Характерно при этом, что по своей численности ненцы занимают первое место среди малых народностей Крайнего Севера и расселены на весьма обширной территории. Возможно, что единообразие их языка объясняется кочевым образом жизни, который немалая часть тундровых ненцев ведет и в настоящее время.

Основные различия между диалектами тундрового наречия сводятся к закономерным звуковым соответствиям. Лексических отличий не так много. Но, вероятно, именно поэтому каждая диалектная особенность воспринимается говорящими как весьма существенная. Носители диалектов очень ревниво следят за тем, чтобы слова произносились в их огласовке. Созданная в 30-е годы письменность и в наши дни оказывает весьма ограниченное языковое влияние: большинство ненцев продолжает говорить и писать, ориентируясь на нормы своего диалекта.

Особого внимания заслуживает в связи с этим то положение, что при исполнении фольклорных произведений, особенно тех, которые поются (*сюдбац*”, *ярац*”, *хынабц*”), диалектные различия как бы стираются.

Сохраняя ряд форм, несвойственных разговорной речи, язык фольклора довольно существенно отличается от разговорного. Дело здесь в большей устойчивости языковых норм, в известной архаичности по сравнению с языком повседневно-бытового общения. Художественные образы фольклора, ярко отражавшие явления окружающей действительности и прошлого мировоззрения народа, переходили из поколения в поколение. В своем бытовании они закреплялись в определенных словесных формулах, складывающихся с течением времени в те или другие трафареты, которые с незначительными изменениями переходят из одного фольклорного произведения в другое. Одни и те же словесные образы наблюдаются в произведениях различных жанров, независимо от формы исполнения (повествовательной или песенной), хотя вместе с тем каждый жанр имеет свои особенности. Эти застывшие словесные образы составляют одну из специфических черт языка фольклора и потому нуждаются в особом изучении. Однако работа в этом направлении по существу еще не проводилась.

Для языка фольклора типичен особый песенный склад не только тех произведений, которые поются, но и тех, что рассказываются. Характерны специфические художественные средства: традиционные обороты, установившиеся формулы, типовые схемы, закрепленные худо-

жественные образы, сравнения, «украшающие» и определяющие эпитеты, связанные со стародавними обычаями, с прошлым укладом ненецкой народности. Так, в различных фольклорных жанрах сохраняется традиционная формула сватовства, бытовавшая еще не так давно. Сват связывал оленей, за едой и чаем вел неторопливый разговор об охоте, пастьбе оленей. И только когда мужчины выхаживали из чумы и усаживались на нарты (в ряде ненецких диалектов есть особый глагол *hasaβađo(ś)* 'сидеть на нартах и разговаривать (букв. мужичничать)'), приступал к делу: *ñedkomd ñumd sapdab^ñnuβ, pudab^ñnuβ?* 'Застал я или пропустил твою дочку?'. После ответа 'Может быть, застал' обсуждались условия калыма. При ответе *pudanaker* 'Должно быть, пропустил' незадачливый сват запрягал оленей и уезжал прочь.

В образной форме передаются различные движения чувств персонажей: смущение, растерянность, огорчение, злоба, злорадство и т. п. Например: *ñobamda śakalη* 'Она замолчала, смутившись (букв. прикусила зубами рукавицу-свою)'; *jan^ñ ha^ñāmnari βejařida jaŋgu* 'Очень сильно покраснела (букв. на землю упавшей-только крови-только-ее нет)'; *ñab'i śata heβ řidreβ parmy^ñ* 'Очень сильно рассердился (букв. другая половина лица-его, словно ночь, почернела)'.¹

Имеются специальные словесные образы, восхваляющие женскую и мужскую красоту. Например: *śakaβaβnanda tu^ñūj śurñam^ñ jan^ñ ha^ñmola* 'Своей красотой она затмевает солнце (букв. по лицу-то-своему верхнее кружасьее на землю опускает)' или *sāwa śakadanda seβ^ñ peśda^ñ* 'Она ослепительно красива (букв. от красивого лица-ее глаза слепнут)'. Последний образ используется и для характеристики мужской красоты, но чаще фигурирует другой: *sāβa śakadanda ser^ñ soba^ñīβar heβanana-rahā* 'От его красивого лица белая опушка капюшона алой кровью отливается'.

Некоторые устоявшиеся обороты необычны с точки зрения общепринятых эстетических норм. Так, высшая похвала женской красоты получает порой следующее выражение: *śata meñujkoraha, melad^ñ mīβy ho śiβaraha* 'Лицо у нее как полная луна, как выделанная мастером березовая лопата'. Таким путем отмечается прелесть круглого лица, исключительная белизна и гладкость кожи.

Характерна условность некоторых высказываний. Например, если женщина хвалит оленью упряжку постороннего женатого мужчины: *tuky teheb'id ñe^ñ meśanari^ñ ty^ñ ñeβyñu^ñ* 'На этих твоих оленях только женщине ездить', то это воспринимается как высказанное желание отбить мужа у подруги.

Отмечаются и другие особенности внешнего вида человека. В своих тяжелых странствованиях по безлюдным просторам тундры герой доходит порой до полного истощения: *śakananda ñob^ñ mada hēmda jaŋgu* 'В лице у него ни кровинки (букв. хоть [ножом] режь, крови нет)'; *harñe^ñ tohoβanda lehertada jaŋgu* 'Уж очень он худой, бескровный (букв. нет даже кости, которую мог бы обгрызть ворон)'; *seβda tor hunkana ηa* букв. 'Глаза у него находятся на расстоянии крика' и т. п.

Большую роль в ненецком фольклоре играют языковые средства, служащие для описания явлений природы и отличительных признаков окружающей местности. Особенно часто в этом плане речь идет о пурге, которая выступает иногда как средство спасения героя. Например, в одной из *ярабц^ñ*, спасаясь от преследования, юноша размышляет: *ñeb^ñnanda ñod^ñ ñana^ñ jabśāβedm^ñ. jabñi tañaby ñeβda numgart hadumjīs* 'Какой же я несчастный. Было бы мне дано счастье, подня-

лась бы пурга'. И далее: *tarca jim' ha'äβra ηerm' had ηerm hadηe teädasaβej paηgriβtada* 'Как я это подумал, с северной стороны морозом разыгралась вьюга'.

Описание сильной пурги воплощено в таком образе: *jaha'-numg' punsälmaha', ηob' tädηaha'* 'Земля и небо неразличимы, в одно слились'. Особенно быстрая езда на оленях передается с помощью оборота: *hadriäda haja* букв. 'пурга-только-его ушла' или *häñanda jabcohona hadariäda šuralj'* 'Только пурга закружилась за полозьями нарты'. Место действия описывается обычно емкими, наглядными словесными образами: *jada ηuli' terši — piša' ηuta jaηgu* 'Местность совершенно пустынная (букв. земля-его совсем без содержимого) — нет даже мышиного следа' или *jada ηarhanda šer'', häñahartahana ηamgeher't pari-deñako ni ηadu''* 'Земля вся белая, нигде не видно чернеющего места (букв. ничего черненького не видно)'. Вдогонку убегающему герою преследователь обычно кричит: *ηuli'' taha' šurmb'u''. ja' šida jaηgu* 'Еще дальше беги. В земле ведь нет отверстия', а иногда добавляет: *ñerand häna nuβ' tanca' ηadi, numd' ñon tana''* 'Вон на небе лестница видна, но не поднимешься на небо'.

Некоторые графаретные выражения и образы имеют варианты, которые нередко используются при полном сохранении сути высказывания. Так, известному русскому фразеологизму *был, да сплыл* в ненецком фольклоре соответствуют два оборота, варьирующих в зависимости от того, об одушевленном существе или неодушевленном предмете идет речь: *mē''marida jada* (о человеке или животном), *η''marida jada* (о предмете), букв. 'только место, на котором он находился'.

В ненецком фольклоре широко распространены сравнения, «украшающие» и определяющие эпитеты. Например: *numlaha to* (или *to''ja*) 'большое, глубокое как небо (букв. небоподобное) озеро' (или 'озеро-рице'); *ñib'araha soty* 'остроконечная (букв. иглоподобная) сопка'; *ñenzadm' tajuta'' lamba''* 'лыжи, обшитые шкурой выдры' и др.

Особенно часто используются такого рода приемы применительно к различным передвижениям и их средствам: *ty'' βēhera'', mad' heβhana hēndařem' šura''* 'Олени испугались, около чума как водоворот кружатся'; *minžedanda šer' tartarē'm' pu''lej'* 'По направлению своего пути, словно шерстинка, унесся по ветру'; *mētada häñanda häñ' ηe'' ηeβanda'' šeβabtaβ harβ''* 'Копыля его ездовой нарты — лиственницы в обхват'.

Гиперболизм особенно типичен не только для *сюдбабц''*, но и для некоторых видов сказок (в первую очередь волшебных). Так, в сказке «Пухуця *ηоб''* ню» дается такой образ: *m'aky makana numda ηate puhiučako ηamdy. jartahanda sefta hajlahat ñin''manda ñij toηe heβy, tiky tohod ηañi' jahako ηadiñma* 'В чуме (букв. в чумовом чуме), ожидая сына, сидит старушка. Пока она плакала, на подоле у нее от слез целое озеро разлилось, а из того озера речка образовалась'.

В одном из *сюдбабц''* так изображается призывный клич к бою: *ηob'' säta mu' ηeβ''nanda ηo'' βahalmanda šer' säta päj pi tajpaβonda* 'Настолько сильный звук оказался — крепкие кривые деревья, слышать, сдавливают'.

В подобной же гиперболической форме характеризуется и женское мастерство. На благосостоянии ненецкой семьи всегда сказывалось, насколько искусна женщина в шитье одежды и обуви из оленьих шкур.

Например, в сказке «Lynžerma ne» об этом говорится так: *ηob*'' *jalahana ši*''β'e *padroti piβ'i sedrišety, nibfa ηani' ηob*'' *jalahana jejtemba malci sedrišety. sēr*'' *sāβāk sedrišety* 'В один день сшивает она семи-узорчатые пимы или сшивает малицу с окантованным швом. За один день сшивает белый совик'.

Одним из изобразительных средств ненецкого фольклора являются повторы. По несколько раз, иногда слово в слово, иногда с вариантами, повторяются целые эпизоды, выражения, отдельные слова. Например, обычное для ненецкого фольклора выражение *had ladada — ηudam βēngala ηuda ni ηadu*'' 'Ударила пурга — руку протянешь, руки не видно' звучит еще так: *had ladada — ηudam*'' *βēngala ηuda ni ηadu*''.
βēngalana ηuda nis ηadu'' *had ladada* 'Ударила пурга — руку протянешь, руки не видно. Такая, при которой протянутой руки не видно, пурга ударила'. Повтор определенных слов носит тавтологический характер: *maky makana* 'в чумовом чуме', *βyηgy βyηgana* 'в тундровой тундре', *pihij pihina* 'на уличной улице' и др.: *βyηgy βyηgana junij jahako*'' *marnelyd*'' 'В тундровой тундре весной подняли шум речки'; *pihij pihina ηani hadna*'' *šoda lanumonda* 'А на уличной улице, слышать, утих голос пурги'. В последних примерах налицо нередкий для фольклора момент олицетворения сил природы.

Наиболее отличен от разговорного язык шаманских песен. По свидетельству одного старика-ненца, «учившегося на шамана», эти тексты малопонятны для непосвященных. Иное звучание получают в нем даже общеупотребительные слова, не говоря уже о большом количестве архаичных слов и выражений, более сложном построении фразы. Имеющиеся (хотя в ограниченном количестве) записи шаманских песен и личные наблюдения подтверждают данное положение.

В заключение можно сказать, что язык ненецкого фольклора имеет ряд существенных особенностей по сравнению с разговорной речью и требует специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Вербов Г. Д. 1937, Ненецкие сказки и былины, Салехард.
 — 1947, Ненэця' хобцоко', Ленинград.
 Житков Б. М. 1913, Полуостров Ямал. — Записки Императорского Русского Географического общества по общей географии XLIX, Санкт-Петербург.
 Куприянова З. Н. 1960, Ненецкий фольклор, Ленинград.
 Ошаров М. 1936, Северные сказки, Новосибирск.
 Пухуця ηоб'' ню. Сост. А. Пырерка, 1939, Ленинград.
 Терещенко Н. М. 1949, Неко хадакэнда вадако', Ленинград.
 — 1954, Ненэця'' вадако', Ленинград.
 — 1955, Маленький охотник, Архангельск.
 Тонков В. 1936, Ненецкие сказки, Архангельск.
 Щербак ова А. М. 1960, Ненэця' вадако', Ленинград.
 Эпические песни ненцев [Составитель З. Н. Куприянова], 1965, Ленинград.
 Hart wadakud. А. Рьга padu'', 1936, Ленинград.
 Lehtisalo, T. 1947, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu XC).
 Nenača'' wadaku''. А. Рьга padu'', 1935, Ленинград.
 Samojedische Volksdichtung. Gesammelt von M. A. Castrén. Herausgegeben von T. Lehtisalo, 1940, Helsinki (MSFOu LXXXIII).

N. M. TERESČENKO (Leningrad)

ÜBER EINIGE BESONDERHEITEN IN DER SPRACHE DER NENZISCHEN FOLKLORE

Folklore- und Umgangssprache weisen bedeutende Unterschiede auf. Die Sprache der Folklore bewahrt eine Reihe von Formen, die nur ihr eigen sind. Aufmerksamkeit erwecken die größere Stabilität der Sprachnormen und eine gewisse Altertümlichkeit im Vergleich zu der alltäglichen Umgangssprache. Die künstlerischen Gestalten der Folklore werden, sich in bestimmten Sprachformeln festsetzend, mit der Zeit zu Modellen, die nur mit wenigen Veränderungen aus einem Folklorewerk in ein anderes übergehen.

Als charakteristische künstlerische Mittel werden traditionelle Wendungen, feste Formeln, idiomatische Ausdrücke, typisierte Schemas, festgelegte künstlerische Gestalten, Vergleiche, Wiederholungen, bildhafte und determinierende Epitheta ausgenutzt, die mit den uralten Bräuchen und mit der vergangenen Lebensweise des nenzischen Volkes verbunden sind.

Das Dargestellte läßt keinen Zweifel, daß die Besonderheiten der Folkloresprache einer speziellen Erforschung unterworfen sein müssen.